

5

Встреча после долгой разлуки

– Я хочу, чтобы мне сейчас же вернули моего любовника, мастера, – сказала Маргарита, и лицо ее исказилось судорогой.

И вдруг в комнату ворвался ветер. Пламя свечей почти погасло. Тяжелая занавеска на окне отодвинулась, распахнулось окно, и в далекой высоте открылась полная луна. Вдруг откуда-то появился мастер. Он был в больничной одежде: в халате, туфлях и черной шапочке. На его небритом лице застыла испуганная гримаса.

Маргарита сразу узнала его, простонала, всплеснула руками и побежала к нему. Она целовала его в лоб, в губы, прижималась к колючей щеке, слезы теперь бежали ручьями по ее лицу. Она повторяла только одно слово:

– Ты... ты, ты...

Мастер отстранил ее от себя и глухо сказал:

– Не плачь, Марго, не терзай меня. Я тяжело болен. – Он ухватился за подоконник рукою, как будто собирался вскочить на него и бежать. Мастер всмотрелся в сидящих, оскалил зубы и закричал: – Мне страшно, Марго! У меня опять начались галлюцинации.

Рыдания душили Маргариту, она шептала:

– Нет, нет, нет, не бойся ничего! Я с тобой! Я с тобой!

Коровьев ловко и незаметно подпихнул к мастеру стул, и тот опустился на него. Маргарита бросилась на колени, прижалась к боку больного и так затихла. В своем волнении она не заметила, что на ней теперь был шелковый черный плащ. Больной опустил голову и стал смотреть в землю утрюмыми больными глазами.

– Да, – заговорил после молчания Воланд, – его хорошо отделали. – Он приказал Коровьеву: – Дай-ка*, рыцарь**, этому человеку чего-нибудь выпить.

* Částice -ka se připojuje hlavně ke slovesným formám rozkazovacího způsobu, slouží pro zmírnění prosby (помолчи́-ка, сходи́м-ка вме́сте – mlč chvílku, pojďme spolu) nebo jako pobídka (ну-ка спóй-ка – tak zazpívej).

5

Setkání po dlouhém odloučení

„Přeji si, aby se okamžitě ke mně vrátil můj milenec, Mistr,“ řekla Markéta a tvář se jí zkrivila křečím.

Náhle do pokoje vtrhl vítr. Plamínky svíce téměř pohasly. Těžký záves na oknech se rozhrnul, okno se rozevřelo a vysoko v dálce byl vidět měsíc. Vtom se odněkud objevil Mistr. Měl na sobě nemocniční úbor: župan, trepky a černou čepičku. Na neoholeném obličejí mu zastýdl vyděšený škleb.

Markéta ho okamžitě poznala, zasténala, spráskla ruce a rozeběhla se k němu. Líbala ho na čelo, na rty, tiskla se k pichlavému strnisku na jeho tváři a po obličejí se jí řinuly potůčky slz. Opakovala pouze jedno slovo:

„Ty... ty, ty...“

Mistr ji od sebe odstrčil a řekl přidušeně:

„Neplač, Margot, netrap mě. Jsem těžce nemocen.“ Opřel se rukou o parapet, jako by se chystal na něj vyskočit a uprchnout. Mistr se zadíval na přítomné, vycenil zuby a vykřikl: „Mám strach, Margot! Zase mě přepadly halucinace.“

Markéta se dusila pláčem a šeptala:

„Ne, ne, ne, ničeho se neboj! Jsem u tebe! Jsem u tebe!“

Korovjev hbitě a nenápadně přístrčil Mistrovi židli a ten na ni došedl. Markéta poklekla, přitiskla se k nemocnému a ztichla. V rozčilení ani nezpozorovala, že teď má na sobě hedvábný černý plášť. Nemocný sklopil hlavu a díval se do země zachmuřeným nemocným pohledem.

„Hm,“ promluvil po chvilce mlčení Woland, „pěkně ho zřídili.“ Poručil Korovjevovi: „Rytíři, dejte tomuto člověku napít.“

.....

** Woland neoslovuje Korovjeva „rytíři“ náhodou. V poslední scéně románu se můžeme seznámit s pravou podobou této postavy. Je to tmavě fialový rytíř, který se nikdy neusmívá.

Маргарита упрашивала мастера дрожащим голосом:

– Выпей, выпей. Ты боишься? Нет, нет, верь мне, что тебе помогут.

Больной взял стакан и выпил из него. Но рука его дрогнула, и стакан разбился у его ног.

– К счастью! К счастью!* – зашептал Коровьев Маргарите, – смотрите, он уже приходит в себя.

Действительно, взор больного стал уже не так дик и беспокоен.

– Но это ты, Марго? – спросил лунный гость.

– Не сомневайся, это я, – ответила Маргарита.

– Еще! – приказал Воланд.

После второго стакана глаза мастера стали живыми и осмысленными.

– Ну вот, это другое дело, – сказал Воланд и прищурился, – теперь поговорим. Кто вы такой?

– Я теперь никто, – ответил мастер, и улыбка искривила его рот.

– Откуда вы сейчас?

– Из дома скорби**. Я душевнобольной, – ответил пришелец.

Этих слов Маргарита не вынесла и заплакала вновь. Потом она вытерла глаза и вскричала:

– Ужасные слова! Он мастер, мессир, я вас предупреждаю об этом. Вылечите его, он стоит этого.

– Вы знаете, с кем вы сейчас говорите, – спросил у пришедшего Воланд, – у кого вы находитесь?

– Знаю, – ответил мастер, – моим соседом в сумасшедшем доме был Иван Бездомный. Он рассказал мне о вас.

– Как же, как же, – отозвался Воланд, – я имел удовольствие встретиться с этим молодым человеком на Патриарших прудах. Он чуть меня самого не свел с ума, доказывая мне, что меня нет! Но вы-то верите, что это действительно я?

– Приходится верить, – сказал пришелец, – но, конечно, гораздо спокойнее было бы считать вас плодом галлюцинации.

* Podle starobylé ruské tradice se nádobí rozbíjí pro štěstí.

Markéta domlouvala Mistrovi rozechvělým hlasem:

„Napij se, napij. Máš strach? Ne, ne, věř mi, že ti pomůžou.“

Nemocný uchopil sklenici a napil se. Ruka se mu však roztrásla a sklenice se rozbila u jeho nohou.

„Střepey znamenají štěstí!“ zašeptal Korovjev Markétě. „Podívejte, už přichází k sobě.“

A vskutku, pohled nemocného se už zklidnil.

„Jsi to opravdu ty, Margot?“ zeptal se měsíční host.

„Nepochybuji o tom, jsem to já,“ odpověděla Markéta.

„Ještě!“ nařídil Woland.

Po druhé sklenici Mistrovy oči ožily a vyjasnily se.

„To už je lepší,“ řekl Woland a přimhouřil oči, „teď si pohovoříme. Kdo jste?“

„Momentálně nikdo,“ odpověděl Mistr a trpce se pousmál.

„Odkud přicházíte?“

„Z domu smutku. Jsem duševně chorý,“ odpověděl příchozí.

Ta slova Markéta nedokázala vydržet a znovu se rozplakala. Pak si otřela oči a zvolala:

„Hrozná slova! On je Mistr, maestro, upozorňuji vás! Vyléčte ho, on za to stojí.“

„Víte, s kým teď mluvíte,“ zeptal se příchozího Woland, „u koho teď jste?“

„Vím,“ odpověděl Mistr, „můj soused v blázinci byl Ivan Bezdomevec. Vyprávěl mi o vás.“

„Bodejť, jak by ne,“ ozval se Woland, „měl jsem to potěšení setkat se s tím mladým mužem na Patriarších rybnících. Div mě samého nepřipravil o rozum, když mi dokazoval, že neexistuju! Vy ale věříte, že jsem to skutečně já?“

„Nezbývá mi než věřit,“ řekl příchozí, „ale to se ví, daleko klidnější bylo považovat vás za výplod halucinace.“

** Дом скорби = психиатрическая больница.

– Ну, что же, если спокойнее, то и считайте, – вежливо ответил Воланд.

– Нет, нет, – испуганно говорила Маргарита и трясла мастера за плечо, – опомнись! Перед тобою действительно он!

– А скажите, почему Маргарита вас называет мастером? – спросил Воланд.

Тот усмехнулся и сказал:

– Это простительная слабость. Она слишком высокого мнения о романе, который я написал.

– Дайте посмотреть, – Воланд протянул руку ладонью кверху.

– Я, к сожалению, не могу этого сделать, – ответил мастер, – потому что я сжег его в печке.

– Простите, не поверю, – ответил Воланд, – этого быть не может. Рукописи не горят. – Он повернулся к Бегемоту и сказал: – Ну-ка, Бегемот, дай сюда роман.

Кот моментально вскочил со стула, и все увидели, что он сидел на толстой пачке рукописей. Верхний экземпляр кот с поклоном подал Воланду. Маргарита задрожала и закричала от волнения:

– Вот она, рукопись! Вот она!

Она кинулась к Воланду и восхищенно добавила:

– Всесилен, всесилен!

Воланд взял в руки экземпляр, повернул его, отложил в сторону и молча, без улыбки уставился на мастера. Но тот неизвестно отчего впал в тоску и беспокойство, поднялся со стула, заломил руки и обратился к далекой луне:

– И ночью при луне мне нет покоя, зачем потревожили меня?

Маргарита вцепилась в больничный халат, прижалась к нему и сама начала бормотать в тоске и слезах:

– Боже, почему же тебе не помогает лекарство?

– Ничего, ничего, ничего, – шептал Корovieв, – ничего, ничего... Еще стаканчик, и я с вами за компанию.

И стаканчик помог. Мастера усадили на место, и лицо больного приняло спокойное выражение.

„Nu což, jestli je to pro vás jednodušší, poslužte si,“ odpověděl zdvořile Woland.

„Ne, ne,“ polekaně říkala Markétka a třásla Mistrovým ramenem, „vzpamatuj se! On stojí opravdu před tebou!“

„Povězte, proč vám Markétka říká „Mistře“?“ zeptal se Woland.

Ten se usmál a řekl:

„To je omluvitelná slabost. Má příliš vysoké mínění o románu, který jsem psal.“

„Ukažte mi to svoje dílo,“ napřáhl ruku Woland.

„Bohužel to nemohu udělat,“ odpověděl mistr, „protože jsem ho spálil v peci.“

„Nezlobte se, ale neuvěřím,“ odpověděl Woland, „to je nemožné. Rukopisy nehoří.“ Otočil se k Behemotovi a řekl: „Nuže, Behemote, dej sem ten román.“

Kocour okamžitě seskočil ze židle a všichni uviděli, že seděl na objemném balíku rukopisů. Horní exemplář podal kocour s úklonou Wolandovi. Markéta se roztřásla a rozčilením vykřikla:

„To je on, ten rukopis! To je on!“

Vrhla se k Wolandovi a nadšeně dodala:

„Všemohoucí, všemohoucí!“

Woland uchopil exemplář, obracel ho v rukou, pak ho odložil stranou a mlčky bez úsměvu se zadíval na Mistra. Toho však, neznámo proč, zneklidněl a rozesmutnil, vstal, lomil rukama a obrátil se ke vzdálenému měsíci:

„Ani v noci při měsíčku nemám klid, proč jste mě vyrušili?“

Markéta zaryla nehty do nemocničního županu, přitiskla se k němu a začala úzkostlivě hořekovat:

„Bože, proč jen ti lék nepomáhá?“

„To nic, to nic, to nic,“ šeptal Korovjev, „to nic, to nic... Ještě jednu sklenku, dám si s vámi.“

A sklenka pomohla. Mistra usadili na místo a nemocný se tvářil klidněji.